

Кого из жителей ОРДЛО Украина будет считать изменником родины, кто подпадет под люстрацию и почему на реинтеграцию неподконтрольных территорий уйдет 25 лет.

Светлана — жительница Донецка. "В прошлом", — замечает она. Окончательно переехала в Киев в начале 2018 года, после того как из-за частых поездок на неподконтрольные Украине территории боевики задержали ее мужа, а ей стали угрожать.

Сначала сосед, любитель "русского мира", а после — представители "министерства госбезопасности". Пока Светлана находилась в Донецке, ее несколько раз вызывали для беседы.

"А потом предупредили, что в следующий раз отправят в подвал, поэтому я и уехала, оставив все. — Сегодня мне некоторые знакомые говорят: "Света, что ты в Киеве сидишь, тратишь деньги на аренду квартиры?! Приезжай, живи, будем ждать, кто нас возьмет". И это говорят в прошлом проукраинские люди! Понимаю, устали от войны, безденежья и серости. А что говорить о "ватниках", тех, которые в 2014-м ходили на "референдум", кричали: "Россия, приди!" Для одних родина там, где жить хорошо, для других ненавистно все, связанное с Украиной. И таких в Донецке большинство. Там уже родились и выросли дети, которые не знают, как жить при Украине, с первого класса им твердят, что Украина — враг, а ее военные обстреливают наши территории".

Светлана замечает, что ее бывшие соседи который год живут по московскому времени и по российским законам, и не уверена, захотят ли по-другому.

"Между нами образовалась пропасть. Причем не в 2014 году, а раньше, из-за любви к соседу и ностальгии по СССР. Даже если Украина в будущем восстановит контроль, еще много лет ей там будут плевать в спину. Чтобы они опомнились, необходимы специальные, возможно, жесткие механизмы. Донбасс привык чувствовать твердый кулак, уговорами убедить будет сложно", — подчеркивает Светлана и сомневается, что сама когда-то вернется домой. "Разве что за вещами", — иронизирует она.

Закон написан

Почти семь лет Украина пыталась избегать прямого ответа на вопрос, как наша страна собирается возвращать временно неподконтрольные территории и сосуществовать с тамшними людьми. Все это время в информационном поле слышно было об агрессии и

оккупации, коллаборации, амнистии и люстрации, но почти никогда — о практическом применении этих терминов. Так происходило пять лет президентства Петра Порошенко, так происходило в первый год президентства Владимира Зеленского. Только когда стало очевидно, что переговоры на международных площадках — в минском и нормандском форматах — зашли в тупик, возникла необходимость озвучить официальную позицию государства и внести конкретику. Так появились 99 страниц законопроекта "О государственной политике переходного периода". Широкой общественности его представил Алексей Резников, министр по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий. Документ он называет рамочным, предлагая взять его за основу для формирования политики государства по отношению к оккупированным территориям Крыма и Донбасса.

"Он будет значимым как для внутренней повестки дня — даст понимание гражданам, как Украина планирует возвращать территории, — так и для переговоров в "нормандском формате" и Минске, — говорит она. — Во-первых, всепрощения, которого требует РФ, никто не обещает. Амнистия будет, но только для людей, которые не совершали тяжких или особо тяжких преступлений, все другие должны понести уголовную ответственность. То есть дискуссию с россиянами в этом вопросе мы прекращаем".

Второй позитивный момент, по словам Золкиной, — попытка объяснить, что такое люстрация. Украина обещает, что сотрудников ЖЭКов и социальных служб наказание вряд ли коснется, в отличие от служащих первого эшелона — "прокуратуры" и "министерств", а еще "судей".

"В своем большинстве люди на оккупированной территории остаются заложниками. Поэтому мы предлагаем ввести градацию сотрудничества с оккупационными режимами. Мировая практика предлагает за сотрудничество с органами оккупационной власти административную ответственность — запрет занимать государственные должности на протяжении нескольких лет", — поясняет Резников. Решать, кого и на сколько, будет специальная комиссия.

"Все понимают, что провести полностью прозрачный люстрационный процесс будет сложно, — уточняет Мария Золкина. — Но важно, что мы отделяем тех, кто совершил криминальные поступки, от тех, кто выполнял какие-то функции в местных "советах".

Управлять регионами после возвращения под юрисдикцию Украины будут военно-гражданские администрации — временные государственные органы. Это ответ представителям РФ, которые надеются, что после деокупации сохранятся "республики". Наряду с украинской властью смогут функционировать международные переходные администрации, но граждане РФ (а еще Армении, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Таджикистана) участвовать в их работе не смогут. Зато местные выборы возможны, но не раньше, чем через два года после деокупации. Кроме того, уже сегодня Украина может выбирать на Донбассе приоритетные зоны экономического развития и готовить кадровый резерв для работы на ныне неподконтрольных территориях, в частности полицейский.

Конфликт интересов

"Сложно сказать, почему Министерство реинтеграции взялось готовить такой документ, да еще и так оперативно, — рассуждает Надежда Волкова, директор Ukrainian Legal Advisory Group и член рабочей группы по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий при президенте Украины. — Еще три месяца назад о его существовании никто не знал, а после появился готовый текст и был представлен как общее видение экспертов процесса переходного правосудия, хотя это неправда".

Проблема в том, что подготовленный законопроект сводит на нет работу двух десятков юристов и правозащитников, которые несколько лет трудились над Концепцией переходного правосудия. В августе прошлого года ее передали в Офис президента на подпись Владимиру Зеленскому, но ответа нет. К слову, президент после своего избрания лично просил экспертов наработать пакет законодательных инициатив для запуска реинтеграции. Сначала группа хотела подготовить законопроект, но отказалась от этой идеи, поскольку важно было создать не объемный документ обо всем на свете, но четкую декларацию, в которой бы комплексно отображался процесс деокупации и реинтеграции, а детали — в отдельных законопроектах.

Комплексный подход, по мнению юриста, — это обязательные ответы на четыре основных запроса общества, связанных с войной. Первый: преступники, совершившие тяжкие преступления, должны быть наказаны. Хорошо, если есть возможность на национальном уровне, нет — в Гааге. Второй: жертвы преступлений должны получить материальную и моральную компенсации. Не только люди, пострадавшие от военных действий, но их семьи и даже потомки. Третий: общество должно узнать правду о причинах начала конфликта, его обстоятельствах и погибших. И последний: государство обязано предоставить гарантии неповторения конфликта, создав систему эффективных предохранителей.

"Концепция переходного правосудия о том, как облегчить возвращение людей к мирной жизни, — это история о компромиссах, а также ответственности и человечности. А презентованный законопроект — это скорее проявление агрессивной позиции Украины, которая отделяет и усложняет деокупацию и реинтеграцию. Он написан в духе победителя, диктующего свои условия, мол, мы придем и расскажем, как с вами, союзниками оккупантов и агрессоров, будем поступать", — считает Волкова. Она утверждает, что агрессия в документе проявляется как в ключевых определениях, так и в деталях.

Агрессор или нет

Деталими эксперт называет намерение Украины создать музей, посвященный войне, с филиалами в Луганске и Донецке, Севастополе и Симферополе, закрепив специальный день памяти жертв вооруженной агрессии и обещание снести все памятники, установленные на неподконтрольных территориях в период их оккупации. При этом глобальную проблему Волкова видит в признании на законодательном уровне России

страной-оккупантом.

"Когда в обращении народных депутатов мы говорим, что Россия — страна-агрессор, то демонстрируем политическое заявление без последствий. Если же запишем это определение в закон, то укажем, что такова государственная политика. А законы, как известно, принимаются для того, чтобы их выполнять, за невыполнение предусмотрено наказание. После принятия закона мы теоретически сможем наказывать людей за пособничество стране-агрессору?" — задается вопросом Волкова.

Несмотря на то что субъективно Россия — действительно государство-агрессор, объективно в международных инстанциях она так не названа. Об этом говорит исполнительный директор Украинского Хельсинского союза по правам человека Александр Павличенко. В пример он приводит авиакатастрофу рейса МН17 вблизи Снежного Донецкой области в июле 2014 года. Есть основания полагать, что к трагедии причастно наивысшее руководство РФ.

"В журналистских материалах мы можем говорить, что Россия — государство-преступник, но она все время пытается избежать ответственности, замечает следы преступления. Даже за стол переговоров в Минске ее представители садятся как миротворцы. И такую хитрую политику РФ могут разбить лишь доказанные факты. Вот почему, даже если Украина примет закон, в котором будет сказано, что самолет сбила Россия, подтвердить или опровергнуть это утверждение сможет только решение суда в Гааге", — говорит Павличенко.

По его словам, по той же причине Россию преждевременно называть страной-оккупантом, ведь это прерогатива соответствующих международных инстанций. В противном случае такое определение на национальном уровне рискует уменьшить международную поддержку Украины, как это было с Грузией, тоже пострадавшей от конфликта с Россией. Там попытались на законодательном уровне назвать ее оккупантом, но в ответ получили вывод Венецианской комиссии: самостоятельно определять, оккупированы территории или нет, государство не имеет права.

"Если четкой международной правовой позиции нет, то все определения на уровне закона выглядят как провокация", — уверена Волкова. Россия, как и подконтрольные ей представители ОРДЛО, охотно на них поддается.

"В Донецке и детям, и взрослым внушают, что когда придет Украина, то она всех накажет как пособников террористов, — говорит Светлана из Донецка. — Это происходит в такой агрессивной форме, что становится по-настоящему страшно даже тем, кто к военным действиям не причастен. Пропагандисты этим пользуются, призывают прийти Россию, защитить русскоговорящих и обладателей паспортов РФ".

Слова Светланы подтверждают пропагандистские новости из Донецка: в них рассказывают о том, что псевдореспублики отказываются быть с Украиной, а боевики захватят всю Донецкую и Луганскую области.

"На Донбассе угрожают повернуть крымский сценарий, но без РФ. Поэтому эти территории продолжают отдаляться от Украины, а влияние России на них увеличится", — предполагает Волкова. Выход, по ее словам, в том, чтобы объективно оценивать ситуацию: признать, что Украина никогда не сможет избавиться от влияния России, но важно на-учиться его контролировать.

Большинство экспертов замечают, что законопроект "О государственной политике переходного периода" далек от идеала. Свои замечания к документу готовят Министерство юстиции, Министерство иностранных дел, Генеральная прокуратура, Представительство президента в АРК. У всех них уточнений и предложений — на десятки страниц. Поэтому и чиновники, и правозащитники признают, что доработка документа затянется на несколько месяцев, но и после этого не факт, что законопроект поддержат народные депутаты. Важно другое: Украина четко задекларировала планы и условия для возвращения своих территорий и от того в глазах международного сообщества стала выглядеть более понятно и прогнозируемо, даже если перспективы политических договоренностей с РФ остаются туманными.